

УДК 323.2

© 2015 г.

А.В. Лубский

**ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И НАЦИОНАЛЬНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ**

Лубский Анатолий Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: n_lav@mail.ru

---

Аннотация. В России сложилась политическая нация и сформировалась национально-государственная идентичность, которая, однако, испытывает сильную конкуренцию со стороны этнонациональной идентичности. Это предполагает поиск новой национальной идентичности как основы консолидации всего российского общества. Такой национальной идентичностью в России может стать цивилизационная идентичность. В научном дискурсе в понимании цивилизационной идентичности доминируют конструктивистский и эссенциалистский подходы, которые являются односторонними и поэтому эвристически недостаточными. В статье в рамках конструктивного реализма рассматривается вопрос о возможности формирования в России как государство-цивилизации национально-цивилизационной идентичности, которая является результатом информационного воздействия и культурной актуализации.

Ключевые слова: локальная цивилизация, коллективная идентичность, нация, национальная идентичность, национально-цивилизационная идентичность.

В начале 90-х гг. прошлого века в российском обществе была утрачена «советская» идентичность, и в национальном самосознании с особой остротой встали вопросы – кто мы и куда идет Россия? Не достигнув общественного согласия по поводу ответов на эти вопросы,

стали говорить о кризисе национальной идентичности, и поэтому страна вступила в полную шума и ярости борьбу за российскую идентичность, а научное ее изучение превратилось в модное, порой ангажированное интеллектуальное занятие.

Риторика о национальной идентичности в России обычно связана с разработкой различных политических проектов ее формирования как фактора социальной интеграции российского общества. При этом интеллектуальная элита, связанная с разработкой этих проектов, предпочитает, как отмечают исследователи, прагматически балансировать между идеями нации и цивилизации, а предлагаемые модели коллективной идентичности являются попытками специфического совмещения национальной и цивилизационной матриц [20]. Это было обусловлено тем, что после распада СССР Россия оказалась вынужденной самоопределяться одновременно и как национально-государственное, и как цивилизационно-культурное образование.

В условиях, когда формирование российской нации и национальной идентичности оказалось чрезвычайно сложным делом, особое значение приобрело цивилизационное измерение идентичности, которое традиционно играло значительную роль в России и выражалось в ее особом позиционировании по отношению как к западной, так и восточным цивилизациям. В результате, как считают исследователи, на первый план вышла проблема поиска новой – не чисто национальной и не чисто цивилизационной, а национально-цивилизационной идентичности [27, с. 6–14; 25, с. 114–131].

В научном дискурсе сложились различные представления о складывании в России нации и национальной идентичности. Одни исследователи, рассматривая формирование нации в России по аналогии со странами Западной Европы, где сложилась гражданская политическая нация, утверждают, что такая российская нация – это дело будущего. Другие исследователи предлагают видеть специфику формирования российской нации, которая заключается в том, что она складывается на основе самоидентификации индивидов не с гражданским обществом, а с гражданами Российской Федерации как макрополитическим сообществом. Соответственно, выделяются такие модели национальной идентичности, как государственно-гражданская и национально-гражданская [7, с. 17–34].

В рамках методологии когнитивного моделирования можно выделить несколько вариантов формирования наций и национальных идентичностей. Во-первых, это складывание моноэтнической нации на основе общности этнического происхождения, религии, языка, экономических интересов и единства политической системы (нации-

государства), что влечет за собой возникновение национально-этнической идентичности. Во-вторых, это формирование полиэтнической нации на основе общности государственных (национальных) интересов и ценностей (политической нации), в результате – национально-государственная идентичность. В-третьих, это становление полиэтнической нации на основе гражданского общества (гражданской нации), что способствует формированию национально-гражданской идентичности. В-четвертых, это возникновение трансэтнической нации на основе общности государственных интересов и идеологических ценностей (идеологической нации), в результате – национально-идеологическая идентичность. В-пятых, это формирование трансэтнической нации на основе общности государственных интересов и цивилизационных кодов (нации-цивилизации), что влечет за собой возникновение национально-цивилизационной идентичности.

Результаты социологических исследований позволяют сделать вывод о том, что в России сложилась политическая нация и сформировалась национально-государственная идентичность [17, с. 35–42]. Об этом свидетельствует то, что около 95 % респондентов в целом по стране идентифицируют себя с гражданами России, при этом 72 % ощущают свою общность с ними в значительной степени [6, с. 7, 39–40, 47–48].

Однако национально-государственная идентичность в России испытывает сильную конкуренцию со стороны этнонациональной идентичности, поскольку в республиках среди титульных национальностей респонденты считают себя в первую очередь представителями своей национальности [7, с. 24–25]. Именно по этой причине сложившаяся национально-государственная идентичность, как отмечают некоторые исследователи, оказалась недостаточной для преодоления дезинтеграционного потенциала этнических и конфессиональных различий в российском обществе [1, с. 32–35].

В условиях «гуманитарной» интервенции [10, с. 296–301] особую значимость для России приобрела проблема выбора самостоятельного пути развития в эпоху глобализации, способного противостоять семиотическому империализму культуры, претендующей на универсальность. В результате возникла необходимость формирования трансэтнической и трансконфессиональной нации на основе общности государственных интересов и цивилизационных кодов, т.е. нации-цивилизации, и, соответственно, национально-цивилизационной идентичности как фактора консолидации полиэтнического и поликонфессионального российского общества и его национальной безопасности.

Теоретические трудности, связанные с научным изучением российской идентичности, обусловлены, как отмечают исследователи, тем, что понятию идентичности, переселившемуся в русский тезаурус из германо-романского культурного контекста, стали придавать в отечественном дискурсе, как всегда, особую значимость, что в свою очередь привело к некорректному употреблению самого понятия [18, с. 45–53]. В современных дискурсивных практиках существуют самые различные представления о том, что такое российская идентичность. В результате начались невероятные приключения ныне очень модного понятия «российская идентичность» и стало казаться, что «идентичность» принадлежит к тем понятиям, которые называются трансцендентальными, возникающими в силу рефлектирующей способности суждения, не зависимой от эмпирического материала.

В российском дискурсе идентичность обычно определяют через понятие тождественности – тождественности человека с самим собой или референтной группой [31, с. 357]. В первом случае идентичность является результатом понимания человеком себя «как такового», устанавливаемого через выделение им для себя «значимых других». Во втором – результатом выбора человеком своей принадлежности к определенной социальной группе, признания его «своим» в этой группе и признания «другими» его принадлежности к этой группе [14]. В этом случае говорят о социальной идентичности человека как «встроенности» его в определенные субъективно проинтерпретированные «картины мира», социальные ценности и нормы. В связи с этим в структуре социальной идентичности выделяют: 1) когнитивные схемы; 2) поведенческие стратегии; 3) аффективные подтверждения. В качестве базовых функций социальной идентичности, как правило, называют, во-первых, принадлежность группе и создание устойчивых и относительно предсказуемых социальных взаимосвязей; во-вторых, формирование чувства защищенности, основанного на ожиданиях взаимной поддержки; в-третьих, возможности самореализации и влияния на группу [29].

В зарубежном литературе, рассматривая идентичность как чрезвычайно сложное явление, исследователи выделяют пять смысловых его аспектов, которые, дополняя друг друга, позволяют рассматривать идентичности с разных сторон: 1) феномен коллективной самости; 2) аспект индивидуальности; 3) результат социальных взаимодействий; 4) основание социального действия; 5) продукт конкурирующих дискурсов [35].

В современном научном дискурсе можно выделить жесткие и мягкие концепции идентичности [34]. Жесткие концепции сложились

в рамках эссенциалистского подхода к интерпретации идентичности. Эссенциализм как методологическая установка характеризуется приписыванием индивиду или социальной группе неизменного набора качеств и свойств. Поэтому понятие «эссенциализм», как отмечают исследователи, используется в качестве общего наименования аргументов, которые позиционируют устойчивые основополагающие источники идентичности, или эссенции, сущности. Однако сами эти аргументы во многом различны – от утверждений о биологическом устройстве гендера, расы или других групп до постулатов, опирающихся на психологию, социальную структуру, теологию или моральные предписания [21, с. 27].

Таким образом, эссенциалистская идея идентичности заключается в том, что идентичностью обладают как индивиды, так и коллективы, при этом предполагается, что индивидуальные и коллективные идентичности даются «естественным образом», что они создаются исключительно актами индивидуальной или коллективной воли. С позиций эссенциализма идентичность – это то, чем обладают или должны стремиться обладать все индивиды и сложившиеся социальные группы. Более того, идентичность – это то, чем можно обладать неосознанно, а значит то, в отношении чего можно заблуждаться или что можно даже открыть [19, с. 12]. Такая идентичность единственна и устойчива, она требует фундаментального тождества и «сильного чувства» как основы идентификации.

Мягкие концепции идентичности сложились в рамках конструктивистского подхода к ее интерпретации. Благодаря конструктивистам, как отмечают исследователи, в дискурсивных практиках стало утверждаться представление о том, что идентичность – это вовсе не цельная и истинная сущность, не стабильное ядро «Я», сохраняющееся от начала до конца, несмотря на внешние перипетии, а нечто неоднозначное, подвижное, множественное, зависящее от контекста [19, с. 12–13]. Поэтому в постсовременном обществе, как подчеркивают исследователи, идентичности становятся все более множественными, изменчивыми, зависимыми от контекста. В связи с этим сегодня намного труднее ответить на вопрос «кто мы?» и удовлетворительно удерживать коллективную идентичность в рамках повседневной жизни, добиваясь при этом ее признания другими [21, с. 23].

В конструктивистском дискурсе об идентичности речь идет не столько о том, кто мы и откуда, сколько о том, куда мы идем и чем мы можем стать, как нас представляют другие и как это соотносится с нашими собственными представлениями о себе. Поэтому «идентичности,

– считают конструктивисты, – создаются в процессе репрезентации, а не за его рамками» [37, р. 4].

Таким образом, в русле мягких концепций, которые преобладали в западной литературе 90-х гг. прошлого века, утвердилась трактовка идентичностей как дискурсивных конструктов, которые оказываются весьма подвижными и зависимыми от контекста. При этом некоторые исследователи подчеркивали, что «идентичности подвижны не только во времени и пространстве, но даже когда они относятся к одним и тем же субъектам в той же самой точке времени и пространства» [39, р. 400].

Трактовка идентичностей как дискурсивных конструктов повлекла за собой вывод о том, что представления о коллективной идентичности являются результатом символической борьбы, или конкуренции разных нарративов об идентичности. При этом исследователи подчеркивают, что «всегда сосуществует несколько нарративов об идентичности, соперничающих друг с другом за политический рынок, и граждане могут делать между ними выбор» [38, р. 5]. В результате одни нарративы (когнитивные модели) коллективной идентичности могут оказаться преобладающими, тогда как другие будут вытеснены на второй план, однако «победу» никогда нельзя считать окончательной. Таким образом, благодаря конструктивистам в научном дискурсе утвердилось представление о том, что индивидуальные и коллективные идентичности всегда множественны и относительны.

В начале XXI в. в России актуализировалась проблематика, связанная с изучением цивилизационных идентичностей, которые являются самыми общими из числа всех возможных коллективных «Мы-идентичностей». Однако в плане методологии научного исследования цивилизационные идентичности, как отмечают исследователи, все еще представляют собой сложную проблему [12, с. 105–115].

В отечественной научной литературе существуют различные представления о том, что такое цивилизационная идентичность. Одни ученые, рассматривая цивилизационную идентичность как разновидность социальной идентичности индивида, считают, что она «включает в себя представления человека о своей принадлежности к той или иной культурно-цивилизационной общности (например, к западной, православной, исламской цивилизации), те ценности и поведенческие модели, которые формируются на основании отождествления себя с определенным культурным выбором, а также с соответствующими социальными институтами и отношениями» [26, с. 29; 25, с. 114–131].

Другие исследователи предпочитают говорить о цивилизационной идентичности не человека, а общества в целом, которая существует помимо составляющих его индивидов и естественным образом про-

ецируется на идентичность всех индивидов, входящих в данную цивилизационную общность или причисляющих себя к ней. Такая идентичность может принимать сакральный характер, поскольку «смысл себя» имеет духовную основу, выработанную обществом [32, с. 60–61]. В связи с этим ученые полагают, что устойчивые общества не только обладают идентичностью, но и воспроизводят ее. Кроме научных рассуждений о цивилизационной идентичности общества, в последнее время много говорят о цивилизационной идентичности России [13; 11, с. 282–304].

В современной научной литературе представления о том, что общество или Россия могут обладать идентичностями, подвергаются критике, и поэтому рассуждения об идентичности общества или России по аналогии с идентичностью индивида считаются методологически неверными. Критики исходят из того, что общество и Россия, в отличие от индивида, не обладают качествами субъективности и рефлексивности, являющимися необходимым условием возникновения идентичности. Поэтому рассуждения о коллективной идентичности по аналогии с идентичностью индивидуальной приводят, как считают критики, к гипостазированию – принятию предмета мыслимого (коллективной идентичности) за предмет, существующий сам по себе, и реификации – превращению мысли в вещь, т.е. «овеществлению» нематериальных, чувственно невоспринимаемых процессов и отношений [18, с. 49–51].

В понимании цивилизационной идентичности в научном дискурсе также доминируют конструктивистский и эссенциалистский подходы. Однако сегодня становится все более очевидным, что концепции цивилизационной идентичности, разрабатываемые в рамках конструктивистского и эссенциалистского подходов, являются односторонними и поэтому эвристически недостаточными. Необходимо переходить к стратегиям изучения цивилизационных идентичностей с учетом того, что, с одной стороны, в научном, политическом или идеологическом дискурсах происходит постоянное конструирование различного рода коллективных идентичностей, а с другой – в повседневном дискурсе во всех культурах продолжают обращаться к коллективным идентичностям эссенциалистского характера.

В связи с этим в изучении цивилизационных идентичностей необходимо переходить от дисциплинарных исследований к интердисциплинарным, от одномерных интерпретаций цивилизационных идентичностей к многомерным на основе синтеза методологических возможностей конструктивистского и эссенциалистского подходов. При этом речь идет не о простом сложении методологических установок конструктивизма и эссенциализма, а о разработке методологического

конструкта, способного удержать в фокусе интердисциплинарного исследования не только изменчивые (как дискурсивные конструкты) и устойчивые (заданные «естественным образом») параметры цивилизационной идентичности, но и способы их взаимодействия.

Национально-цивилизационная идентичность является одним из видов коллективной идентичности, выступающей результатом соотношения индивидов с «Мы» как воображаемым сообществом. В дискурсивные практики понятие «воображаемое сообщество» было введено Б. Андерсоном, который считал, что такое сообщество является продуктом воображения его членов, поскольку они не могут знать большинства своих собратьев, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности [3, с. 26–32].

В аналитической статье, предваряющей русский перевод книги Б. Андерсона, подчеркивается, что воображаемое сообщество – это не представляемая возможность общения, а предполагаемое общее, нечто более интенсивное, чем любого рода общество, нечто более глубоко укорененное, постигаемое путем воображения, выходящем за пределы самоочевидности [4, с. 5–16]. При этом следует отметить, что контекстом коллективных воображений выступает культура, а источником – коллективная память и различные дискурсивные практики. В связи с этим исследователи различают коллективные воспоминания, связанные с общим культурным опытом в рамках пространства и времени (т.е. акты коллективной артикуляции таких воспоминаний), и то, что называется мифопанорамами, т.е. дискурсивными сферами, в которых постоянно формируются, распространяются, обсуждаются и реконструируются мифы, лежащие в основе тех или иных коллективных идентичностей.

Преодоление методологической односторонности конструктивистского и эссенциалистского подходов в интерпретации национально-цивилизационной идентичности возможно в рамках конструктивного реализма, представители которого формирование идентичности рассматривают как «процесс конструирования смысла на основе определенного культурного свойства» [36, р. 6–8], поэтому коллективные идентичности можно одновременно трактовать как «искусственные» (конструируемые) и «естественные» (культурные). В связи с этим признается, что коллективные идентичности, с одной стороны, формируются социально значимой информацией, с другой – определяются культурной актуализацией. При таком подходе проявляется стремление, во-первых, показать, что коллективные идентичности не являются нечто «естественно» существующими, помимо составляющих воображаемое сообщество индивидов, и тем самым избежать радикальной эссенциа-

лизации национально-цивилизационной идентичности, во-вторых, преодолеть и сугубо конструктивистскую ее трактовку, поскольку национально-цивилизационной идентичности придается не только «искусственное», но и культурное, т.е. «естественное» измерение.

В дискурсе о национально-цивилизационной идентичности в России рождаются различные ее модели, в основе которых лежат те или иные синкретические образы России одновременно как нации и цивилизации. Такие модели, конструируемые участниками дискурса, навязываются общественному сознанию субъектами, обладающими символическим капиталом власти. Однако эти модели становятся идентификационными матрицами, если вписываются в ментальную программу индивидов, составляющих такое воображаемое сообщество как нация-цивилизация. Поэтому образы, с которыми идентифицируют себя члены воображаемых сообществ, не только отражают, но и порождают социальную реальность.

Таким образом, национально-цивилизационная идентичность формируется в результате не только конструктивистских усилий (информационных воздействий), но и культурной предрасположенности (неосознанной), а также социальной готовности (осознанной) индивидов воспринимать образы и представления о воображаемых сообществах в качестве моделей этих идентичностей.

В настоящее время существует множество цивилизационных образов России. Прежде всего, это ее образы как восточнохристианской, православной, русской, русско-славянской, или восточнославянской, евразийской и российской цивилизации. Образы России как восточнохристианской, православной, русской и русско-славянской, или восточнославянской, цивилизации сложились в русле узкого толкования понятия цивилизации, поскольку в качестве цивилизационной доминанты в них выступает религиозно или этнически обусловленная духовность.

Образ восточнохристианской цивилизации базируется на представлении о совпадении цивилизации и религии (православия), цивилизации и нации (русского народа как общего названия великороссов, украинцев и белорусов). В этом плане современная Россия, как отмечают исследователи, – это часть искусственно разделенной восточнохристианской цивилизации, которую от восточных цивилизаций отличает христианство, а от цивилизации западноевропейских народов – православный характер русской культуры, а также некоторые геополитические моменты [9, с. 10].

Образ России как православной цивилизации наиболее актуально представлен в работе А.С. Панарина, рассматривающего ее в качестве

«дочерней» по отношению к Византии как материнской цивилизации. Цивилизационная идентичность России, как отмечает исследователь, включает в себя, с одной стороны, сакральную, латентную составляющую, с другой – осознанную, проговариваемую. Поэтому цивилизационную специфику России А.С. Панарин усматривает не в этнической, культурной или имперской идентичности, а в том, что сакральной, латентной составляющей ее идентичности выступает православие [24, с. 6–10].

В образах России как русской и русско-славянской, или восточнославянской, цивилизации доминирующими факторами выступают русская или восточнославянская этничности, задающие единое нормативно-ценностное пространство в их цивилизационных ареалах. При этом одни исследователи рассматривают русскую цивилизацию как особую духовную структуру, как органическую целостность с определенными метафизическими задачами [22, с. 13, 598–599], другие – как «уникальное явление духа», основу которого составляет «особый тип русского человека», преодолевающего и преобразующего невиданное сопротивление мировой материи [2], третьи – как целостную совокупность духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определивших его историческую судьбу и сформировавших его национальное сознание [28, с. 3–8].

Образ России как русско-славянской, или восточнославянской, цивилизации во многом основывается на идеях Н.Я. Данилевского, разработавшего во второй половине XIX в. историческую концепцию, в рамках которой Россия была отнесена к восточнославянской цивилизации. В современной интерпретации основу русско-славянской цивилизации составляет восточнославянская этничность как кровное родство, или родовая память, которая пронизывает все сферы жизни славян – религию, экономику, политику, идеологию, культуру, национальные, этнические и родственные связи. Особое значение придается также геополитическому фактору: восточнославянская цивилизация рассматривается как «гигантский мост между Востоком и Западом» [30, с. 33–102].

Образы России как евразийской и российской цивилизации возникли в рамках широкого толкования понятия цивилизации. Доминантой этих образов является синтез различных материальных и духовных факторов – географических, политических, геополитических, этнических, психологических, культурных. Образ России как евразийской цивилизации основывается на идеях евразийцев, концептуально сформировавшихся в первой половине XX в. Евразийский образ России в современном цивилизационном самосознании характеризуется до-

вольно значительной вариативностью идей, общим концептуальным основанием которых являются: 1) мультилинейный подход к оценке исторического процесса, отрицающий возможность существования единой для всего мира линии социально-исторического развития, единой общечеловеческой цивилизации и единой культуры; 2) восприятие Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной целостности; 3) признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного, неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, нормы, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов [23, с. 122].

Образ России как российской цивилизации формируется, с одной стороны, в контексте евразийских идей, а с другой – с учетом того, что ее ядром выступает такой суперэтнос, как российский народ, а интегрирующим началом – Российское государство. В контексте евразийских идей сформирован образ российской цивилизации, в котором приглушены национально-русские мотивы и усилены мотивы полиэтничности и поликонфессиональности. Специфику российской цивилизации часто усматривают в том, что постоянным фактором истории России является ее взаимодействие с Востоком и Западом, благодаря чему в ней произошло противоречивое совмещение социокультурных восточных и западных начал. Однако при этом российская цивилизация не сводится к соединению противоречивых начал Востока и Запада. Подчеркивая особую роль «евразийства» в цивилизационном облике России, повлиявшего на ее социокультурное и геополитическое устройство, исследователи отмечают, что российская цивилизация вмещает в себя разнородные этнонациональные и конфессиональные общности, вовлекая их в общее русло общенационального движения. Объединяющим и направляющим началом этого движения в России выступает государство, которое «в значительной степени заменяет собственно цивилизационные основы регуляции». Взаимодействие этих разных начал создает ту многозначность исторического движения, которая отражалась в судьбах России в прошлом и делает проблематичным ее будущее [8, с. 14–16].

Различные цивилизационные образы России, существующие в современном дискурсе, обладают определенным эвристическим потенциалом, поскольку они «схватывают» некоторые существенные черты ее цивилизационной специфики. Вместе с тем представлениям о России как государстве-цивилизации соответствуют только те ее образы, которые привязаны к России как государству. В данном случае это образы России как православной, русской и российской цивилизации. Эти образы являются возможными идентификационными матрицами в

качестве основы формирования национально-цивилизационной идентичности в России. Однако с учетом того, что идентификационная матрица должна быть информационной основой формирования национально-цивилизационной идентичности трансэтнического и трансконфессионального характера, наиболее подходящим для этих целей является образ России как российской цивилизации.

В рамках многомерного методологического конструкта особенность России как российской цивилизации состоит в том, что доминантной формой интеграции в ней выступает государственность [16], которая, являясь «политическим обручем», стягивающим гетерогенное социокультурное пространство, задает единый в нем нормативно-ценностный порядок (символический универсум). Государственность как государственно-организованная форма общества включает в себя государственно-правовые организации и институты, национально-государственную идею («общее дело») и практику ее реализации, а также принципы отношений государства и человека, государства и общества, государства и мирового сообщества. Российской цивилизации присущи мобилизационно-модернизационный алгоритм социального развития и особый культурный код как совокупность коллективно-бессознательных образов, ценностей и установок. Базовыми структурами этого кода являются этатизм и державность, социоцентризм и патернализм, выступающие культурными маркерами цивилизационной идентичности в России [15, с. 90–103].

Представления о России как государстве-цивилизации и необходимости формирования в ней национально-цивилизационной идентичности встречают критику со стороны либерально настроенных участников дискурсивных практик. Абсолютизируя западноевропейские лекала формирования в России гражданского общества и гражданской идентичности, они считают несостоятельными эти попытки, рассматривая их как стремление спрятать одиозную империю с ее вертикальной организацией за респектабельным термином «особая цивилизация». Кроме того, эти попытки рассматриваются ими как реанимация идеологемы особого пути развития России [20; 5, с. 23–45].

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в рамках осмысления новой мироцелостности в эпоху глобализации изменились представления о локальных цивилизациях. Была предложена новая концепция локальных цивилизаций, преодолевающая представления о них как дискретных социокультурных образованиях. В этой концепции акцент сделан на взаимодействии цивилизаций с учетом обнаружившихся в постсовременном мире тенденций как к глобализации, так и к локализации. Признавая существование глобальной конфигурации

универсальных символических форм, некоторые исследователи начинают применять понятие цивилизации только к тем воображаемым сообществам, которые обладают творческой способностью вырабатывать (или перерабатывать) универсальные символы, т.е. обладают способностью к коммуникации, усвоению и толкованию универсальных идиом и значений. При этом подчеркивается, что отдельные локальные цивилизации вырабатывают собственные оценки этих универсалий и выражают таковые через призмы своих ценностей и исторического опыта. В этом плане отдельные ученые вообще рассматривают локальные цивилизации не только как ответы на вызовы глобализации, но и как вызовы глобальным императивам [33, с. 151].

В рамках такого понимания цивилизаций признается, что в современном мире, с одной стороны, идет процесс глобализации, а с другой – возрастает значение цивилизационных различий. Различные локальные цивилизации сохраняют свою жизненную силу, поскольку универсальные идиомы и значения воспринимаются и осмысливаются людьми через призму своего цивилизационного опыта. Такая коммуникативно-герменевтическая трактовка локальных цивилизаций преодолевает представление о них как дискретных социокультурных единицах.

В этом плане дискурс о России как государстве-цивилизации и национально-цивилизационной идентичности является не попыткой идеологического обоснования ее особого пути в противостоянии с Западом, а стремлением к формированию собственных, обусловленных ее национально-цивилизационной спецификой ответов на вызовы глобализации.

Литература

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 31–37.
2. Аксютин В.В. Явление русского духа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/rusduh.htm> (дата обращения: 11.09.2014).
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. 288 с.
4. Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 5–16.
5. Верховский А.М., Паин Э.А. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Политическая концептология. 2013. № 4. [Электронный ресурс].

References

1. Avksent'ev V.A., Aksjumov B.V. Rossijane: ot grazhdanskoj k civilizacionnoj identichnosti // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2013. № 4. S. 31–37.
2. Aksjutin V.V. Javlenie russkogo duha [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/rusduh.htm>. (data obrashhenija: 11.09.2014).
3. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. M., 2001. 288 s.
4. Ban'kovskaja S. Voobrazhaemye soobshhestva kak sociologicheskij fenomen // Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. M., 2001. S. 5–16.
5. Verhovskij A.M., Pain Je.A. Civilizacionnyj nacionalizm: rossijskaja versija «osobogo puti» // Politicheskaja konceptologija. 2013. № 4. [Elektronnyj

URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2013.4/03.pdf> (дата обращения: 11.09.2014).

6. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М., 2013. 485 с.

7. Дробизева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4-5. С. 17-34.

8. Ерасов В.С. Предисловие: о статусе культурно-цивилизационных исследований // Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 14-16.

9. Ерыгин А.Н. Русская культура и философия, цивилизационное самосознание и россиеведение // Философское и культурологическое россиеведение: феномен восточно-христианской цивилизации. Вып. 1. Ростов н/Д., 2003. С. 5-18.

10. Иноземцев В.Л. Потерянное десятилетие. М., 2013. 600 с.

11. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Т. IV: Человек в поисках идентичности. М., 2010. С. 284-304.

12. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М., 2011. С. 105-115.

13. Кочетков В.В. Цивилизационная идентичность России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2006. № 3. С. 26-38.

14. Крылов К. Идентичность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a063.htm> (дата обращения: 11.09.2014).

15. Лубский А.В., Лубский Р.А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90-104.

16. Лубский Р.А. Государственность как доминантная форма цивилизационного развития России // Порядок общества и правовой нигилизм: межвуз. науч. сб. Ростов н/Д., 2008. С. 315-322.

URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2013.4/03.pdf> (дата обращения: 11.09.2014).

6. Grazhdanskaja, jetnicheskaja i regional'naja identichnost': vchera, segodnja, zavtra / ruk. proekta i отв. red. L.M. Drobizheva. M., 2013. 485 s.

7. Drobizheva L.M. Rossijskaja identichnost' i soglasie v mezhjetnicheskikh otnoshenijah: opyt 20 let reform // Vestnik Rossijskoj nacii. 2012. № 4-5. S. 17-34.

8. Eрасov B.C. Predislovie: o statuse kul'turno-tsivilizatsionnykh issledovanii // Tsivilizatsii i kul'tury. Vyp. 1. Rossiia i Vostok: tsivilizatsionnye otnosheniia. M., 1994. S. 14-16.

9. Erygin A.N. Russkaja kul'tura i filosofija, civilizacionnoe samosoznanie i rossievedenie // Filosofskoe i kul'turologicheskoe rossievedenie: fenomen vostochno hristianskoj civilizacii. Vyp. 1. Rostov n/D., 2003. S. 5-18.

10. Inozemcev V.L. Poterjannoe desjatiletie. M., 2013. 600 s.

11. Kondakov I.V. Civilizacionnaja identichnost' Rossii: sushhnost', struktura i mehanizmy // Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah. 2010. T. IV: Chelovek v poiskah identichnosti. M., 2010. S. 284-304.

12. Kondakov I.V., Sokolov K.B., Hrenov N.A. Civilizacionnaja identichnost' v perehodnuju jepohu: kul'turologicheskij, sociologicheskij i iskusstvovedcheskij aspekty. M., 2011. S. 105-115.

13. Kochetkov V.V. Civilizacionnaja identichnost' Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2006. № 3. S. 26-38.

14. Krylov K. Identichnost'. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a063.htm> (дата обращения: 11.09.2014).

15. Lubskij A.V., Lubskij R.A. Jetatizm i paternalizm kak kul'turnye markery civilizacionnoj identichnosti v Rossii // Gumanitarij Juga Rossii. 2013. № 3. S. 90-104.

16. Lubskij R.A. Gosudarstvennost' kak dominantnaja forma civilizacionnogo razvitija Rossii // Porjadok obshhestva i pravovoj nigilizm: mezhvuz. nauch. sb. Rostov n/D., 2008. S. 315-322.

17. *Лубский Р.А.* Проекты nation-building и формирование национально-государственной идентичности в России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 35–42.

18. *Малахов В.Г.* Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 45–53.

19. *Малинова О.Ю.* Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. М., 2005. № 3. С. 8–20.

20. Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте // Фонд «Либеральная миссия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5797> (дата обращения: 05.02.2015).

21. *Миненков Г.Я.* Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. М., 2005. № 3. С. 21–38.

22. *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России. Ч. IV. М., 2001. 560 с.

23. *Орлова И.Б.* Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998. 275 с.

24. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. 491 с.

25. *Пантин В.И.* Национально-цивилизационная идентичность и политические трансформации в современном мире // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М., 2012. С. 114–131.

26. *Пантин В.И.* Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Политические исследования. 2008. № 3. С. 29–39.

27. *Пантин В.И., Семенов И.С.* Проблемы идентичности и российская модернизация // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М., 2004. С. 6–14.

17. *Lubskij R.A.* Proekty nation-building i formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti v Rossii // Social'no-gumanitarnye znanija. 2014. № 7. S. 35–42.

18. *Malahov V.G.* Neudobstva s identichnost'ju // Voprosy filosofii. 1998. № 2. S. 45–53.

19. *Malinova O.Ju.* Issledovanie politiki i diskurs ob identichnosti // Politicheskaja nauka: Identichnost' kak faktor politiki i predmet politicheskoi nauki. M., 2005. № 3. S. 8–20.

20. Mezhdju idejami nacii i civilizacii: dilemmy makropoliticheskoi identichnosti v postimperskom kontekste // Fond Liberal'naja missija. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5797> (data obrashhenija: 05.02.2015).

21. *Minenkov G.Ja.* Politika identichnosti s točki zrenija sovremennoj social'noj teorii // Politicheskaja nauka: Identichnost' kak faktor politiki i predmet politicheskoi nauki. M., 2005. № 3. S. 21–38.

22. *Mozhajsikova I.V.* Duhovnyj obraz russkoj civilizacii i sud'ba Rossii. Ch. IV. M., 2001. 560 s.

23. *Orlova I.B.* Evrazijskaja civilizacija. Social'no-istoricheskaja retrospektiva i perspektiva. M., 1998. 275 s.

24. *Panarin A.S.* Pravoslavnaja civilizacija v global'nom mire. M., 2002. 491 s.

25. *Pantin V.I.* Nacional'no-civilizacionnaja identichnost' i politicheskie transformacii v sovremennom mire // Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti. T. 2: Identichnost' i social'no-politicheskie izmenenija v XXI veke. M., 2012. S. 114–131.

26. *Pantin V.I.* Politicheskaja i civilizacionnaja samoidentifikacija sovremenogo rossijskogo obshhestva v uslovijah globalizacii // Politicheskie issledovanija. 2008. № 3. S. 29–39.

27. *Pantin V.I., Semenenko I.S.* Problemy identichnosti i rossijskaja modernizacija // Poisk nacional'no-civilizacionnoj identichnosti i koncept «osobogo puti» v rossijskom massovom soznanii v kontekste modernizacii. M., 2004. S. 6–14.

28. Святая Русь: энциклопедический словарь русской цивилизации / сост. О.А. Платонов. М., 2000. 1040 с.
29. Социальная идентичность // База данных ФОМ: словарь терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bd.fom.ru/report/cat/az/0-9/sotsiologiya/socident138> (дата обращения: 05.02.2015).
30. *Троицкий Е.С.* Концепция русско-славянской цивилизации // Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности. М., 1998. С. 33–102.
31. *Федотова Н.Н.* Идентичность // Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. С. 357–358.
32. *Федотова Н.Н.* Жизненные стили и плюрализация идентичности как проблема политической социологии // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М., 2011. С. 57–61.
33. *Чешков М.А.* Осмысление мироцелостности: новая оппозиция идей или их сближение? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2. С. 146–153.
34. *Barkov F.A., Lubsky A.V., Lubsky R.A.* Transformation of Intellectual Discourse on Collective Identities // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. № 17 (10). P. 1425–1428 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(10\)13/6.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(10)13/6.pdf) (дата обращения: 05.02.2015).
35. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond «Identity» // Theory and Society. 2000. Vol. 29, № 1. P. 1–47.
36. *Castells M.* The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Cambridge; Oxford, UK, 1997. 461 p.
37. *Hall S.* Introduction. Who Needs «Identity»? // Questions of cultural identity / Ed. by Hall S., Du Gay P. L., 1996. P. 1–17.
38. *Martin D.-C.* The choices of identity // Social identities. 1995. Vol. 1, № 1. P. 5–20.
39. *Neumann I.* European identity, EU expansion, and the integration/exclusion nexus // Alternatives: Social Transformation & Humane Governance. Jul-Sep. 1998. Vol. 23, Iss. 3. P. 397–420.
28. Svjataja Rus': jenciklopedicheskiy slovar' russkoj civilizacii / sost. O.A. Platonov. M., 2000. 1040 s.
29. Social'naja identichnost' // Baza dannyh FOM: Slovar' terminov. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.bd.fom.ru/report/cat/az/0-9/sotsiologiya/socident138> (data obrashhenija: 05.02.2015).
30. *Troickij E.S.* Konceptija russko-slavjanskoj civilizacii // Russko-slavjanskaja civilizacija: istoricheskie istoki, sovremennye geopoliticheskie problemy, perspektivy slavjanskoj vzaimnosti. M., 1998. S. 33–102.
31. *Fedotova N.N.* Identichnost' // Globalistika: jenciklopedija / gl. red. I.I. Mazur, A.N. Chumakov. M., 2003. S. 357–358.
32. *Fedotova N.N.* Zhiznennyye stili i pljuralizacija identichnosti kak problema politicheskoj sociologii // Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: sb. st. po itogam Vseros. nauch.-teoret. konf. (IMJeMO RAN, 21–22 oktjabrja 2010 g.). M., 2011. S. 57–61.
33. *Cheshkov M.A.* Osmyslenie mirocelostnosti: novaja oppozicija idej ili ih sblizhenie? // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 1995. № 2. S. 146–153.
34. *Barkov F. A., Lubsky A.V., Lubsky R.A.* Transformation of Intellectual Discourse on Collective Identities // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. № 17 (10). P. 1425-1428 [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(10\)13/6.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(10)13/6.pdf) (data obrashhenija: 05.02.2015).
35. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond «Identity» // Theory and Society. 2000. Vol. 29, № 1. P. 1–47.
36. *Castells M.* The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Cambridge; Oxford, UK, 1997. 461 p.
37. *Hall S.* Introduction. Who Needs «Identity»? // Questions of cultural identity / Ed. by Hall S., Du Gay P. L., 1996. P. 1–17.
38. *Martin D.-C.* The choices of identity // Social identities. 1995. Vol. 1, № 1. P. 5–20.
39. *Neumann I.* European identity, EU expansion, and the integration/exclusion nexus // Alternatives: Social Transformation & Humane Governance. Jul-Sep. 1998. Vol. 23, Iss. 3. P. 397–420.